

К 80-летию Б.И.Коваля

А.А.Слинько

Латинская Америка: революционный процесс в условиях глобализации

В статье рассматриваются некоторые проблемы развития революционного процесса, в частности его типология, в Латинской Америке в условиях глобализации. Автор отмечает глубокое влияние Испании и Китая на политическое развитие стран региона и малую вероятность прекращения партизанской войны в Колумбии в ближайшем будущем. Также обращается внимание на двойственный характер политического воздействия США на государства региона, анализируются исторические причины радикализации революционного процесса на Кубе, отмечается либеральный характер радикальных движений в Панаме. В статье делается вывод об усилении антинеолиберальных движений во всем мире, частью которых и является «левый поворот» в Латинской Америке.

Ключевые слова: революционный процесс, Латинская Америка, антинеолиберализм, глобализация, «левый поворот», партизанская война.

Революционный процесс в Латинской Америке, изучению которого посвятил свою жизнь мой учитель Борис Иосифович Коваль, по-прежнему протекает достаточно интенсивно и противоречиво. Автор статьи продолжает осмысление некоторых идей, разработанных профессором Ковалем. В частности, предложенная здесь типология революционного процесса опирается на мысль Бориса Иосифовича о «невидимом» гражданском обществе, которое может внезапно проявить себя в самых разнообразных формах¹.

Демократическая революция 1980-х годов ликвидировала все «знаковые» военно-диктаторские режимы от Пиночета до Стресснера, причем был остановлен «институциональный авторитаризм», сформировавшийся в Бразилии и Аргентине. Именно эти страны поддерживали мир военнотехнократических диктатур во всей Латинской Америке.

90-е годы прошлого столетия стали временем неолиберального популизма во всей Латинской Америке, своеобразным торжеством американ-

Александр Анатольевич Слинько — доктор политических наук, профессор Воронежского госуниверситета (aleksandr_slinko@mail.ru).

ской политики глобализации в условиях однополярного мира. Однако этот период, главными достижениями которого были создание НАФТА и юридический запрет военных диктатур специальным решением ОАГ, продолжался недолго. Первая волна глобального финансового кризиса ударила именно в Латинской Америке: уже к началу XXI в. стало ясно, что период неолиберального популизма закончился. Начало новой эры — времени левопопулистских социально-технократических режимов — повлекло за собой распад однопартийного режима в Мексике и приход к власти в Бразилии президента левой ориентации.

Левопопулистская ориентация подпитывалась резким ослаблением влияния США в Латинской Америке в начале XXI в. в связи с провалом проекта Всеамериканской зоны свободной торговли и усилением изоляционизма в республиканской элите США. В жизни испаноязычных стран Латинской Америки все большее значение приобретает Испания. Она не только сыграла огромную роль в идеологической борьбе с наследием диктатур — именно по представлению испанского судьи Б.Гарсона в Англии был арестован Пиночет. Испания внесла колоссальный вклад в развитие экономической системы Венесуэлы, Чили, Аргентины и других стран Латинской Америки. С возвращением к власти социалистов во главе с Х.Л.Родригесом Сапате-ро испанская политика приобрела ясную политическую окраску. Латиноамериканские левопопулистские социально-технократические режимы превратились в своеобразные ареалы испанской умеренной социал-демократии, созданной Ф.Гонсалесом.

Тяжелейший мировой финансовый кризис, обострившийся осенью 2008 г., создал «вакуум влияния» в Латинской Америке. Ослабевшие США заставили латиноамериканские элиты задуматься над реальной ближайшей перспективой, которая была жестко сформулирована в Европе: мир без Америки.

Фундаментальная попытка переключить все основные политико-экономические приоритеты на высокотехнологическую Азию была предпринята президентом Перу А.Фухимори (1990—2000 гг.). Несмотря на заметные успехи, эксперимент окончился провалом: в 2000 г. США были на пике могущества. Вывод Перу из американской в японскую зону влияния спровоцировал формирование многоуровневой право-левой оппозиции и мгновенную катастрофу режима азиатского типа, основанного на копировании опыта заокеанских «тигров».

Неамериканская альтернатива имеет много направлений, среди которых выделяется китайское. Китай динамично, но осторожно действует почти во всех странах Латинской Америки. И Куба, и Венесуэла, и Колумбия, а также другие государства активно сотрудничают с ним. Не секрет, что непобедимая колумбийская герилья основывается на доктрине «народной войны» Мао Цзедуня, и что именно Китай является надежным и глубоким тылом партизанской революции. В этой связи попытки «победить» партизан представляются политическим безумием. Дуальная система Колумбии — это феномен скрытого американо-китайского противостояния, в котором у США по понятным причинам остается все меньше шансов на приоритетное влияние.

Левоцентристский социально-технократический крен институализируется в Латинской Америке в условиях победы на выборах либерального крыла демократической партии США. Б.Обама существенно ослабил блокаду Кубы, установил дружественные отношения с левоцентристами, чем вызвал эмоциональное неприятие ультраконсервативной элиты в Латин-

ской Америке. Один из руководителей гондурасских путчистов, свергнувших президента Селайю летом 2009 г., назвал Обаму «нигретенком, который ничего не понимает»². Демократы не санкционировали свержение гондурасской военно-гражданской хунты, однако скорый на язык деятель вынужден был уйти из правительства, а нарушителям «антидиктаторского права» ОАГ был объявлен политический бойкот.

Таким образом, эволюция Латинской Америки последних трех десятилетий укладывается в рамки следующих политических мегатрендов (см. таблицу 1).

Т а б л и ц а 1

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕГАТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ
СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1980—2010 гг.**

Годы	Политическая модель развития	Страна приоритетного влияния
1982—1990	Демократическая революция	США
1990—2001	Неолиберальный популизм	США
2001— по настоящее время	Левоцентристские и левопопулистские социально-технократические режимы	Испания

Хронологические рамки этих процессов несколько размыты, поэтому для них выбраны ключевые события, воздействие которых на общую латиноамериканскую политику крайне трудно оспорить. Политическая демократизация, принявшая революционный «обвальный» характер, начинается с сокрушительного поражения аргентинского военного режима — самой свирепой диктатуры в Латинской Америке — в Фолклендской войне. Начало второго этапа связывается с «инициативой для Америки» президента Дж.Буша-старшего. Многие на континенте верили в идеалистическое будущее, процветание с образованием зоны свободной торговли (своеобразный аналог коммунизма левых радикалов). Наконец, третий этап начинается в декабре 2001 г., когда экономический крах сопровождался настоящей антинеолиберальной революцией в Аргентине — таких мощных народных движений не было в аналогичных случаях ни в Мексике, ни в Бразилии.

Революционный процесс в Латинской Америке в форме партизанской войны, по поводу которого исписаны горы бумаги, созданы многочисленные теории, разыгрываются грандиозные политические спекуляции, приобрел в рамках современной «неевклидовой политики» некоторые новые черты. Во-первых, в «чистом» концентрированном виде герилья действует только в Колумбии. Становится все более ясно, что «китайская модель» в этой стране сработала на полную мощность. Трудно отрицать, что многочисленные подвижные «освобожденные районы» — эта своеобразная ко-

пия материнской матрицы — особого района Китая. Скрытность материального обеспечения революционеров извне обеспечивается климатическими и природными условиями страны, а также береговой линией, которую невозможно контролировать. Стратегия революционных народных войн в Непале и Мьянме (Бирма) привела к переходу этих стран в зону геополитического притяжения Китая. С Колумбией сложнее. Здесь, безоговорочно поддерживая партизан, Китай задействует многочисленные посреднические каналы, а также ориентирует местных революционеров на эффективное использование различных источников самообеспечения (наркобизнес, нефть, изумруды, кофе и т.д.). Прагматическая «продолжительная революционная война» при поддержке усиливающегося Китая не может не привести «народную революцию» к победе. Продолжительная революционная война и партизанская государственность институционализировали себя в Колумбии.

Во-вторых, индейское движение на грани партизанской войны в Боливии, Перу, Эквадоре и Мексике смогло занять лидирующие позиции в своих странах или добиться признания своих исконных прав со стороны властей. Боливийская креольская элита даже признала президента-индейца, продемонстрировав приверженность своеобразному южноамериканскому аболиционизму. Индейские институциональные революции в названных странах следует признать органической частью революционного процесса, несмотря на отсутствие гражданских войн. Первоначально именно угроза гражданской войны «всех против всех» в условиях кризиса сдерживает политические эмоции.

Третьей частью революционного процесса в Латинской Америке следует признать перманентную революцию на Кубе. Начавшись в 1868 г., она привела в 1902 г. к провозглашению независимости страны. Уже на почве независимости консервативный и либеральный проекты развития сталкивались в непримиримых гражданских конфликтах. Социальная несправедливость и политические злоупотребления практически каждое десятилетие заставляли оппозицию выдвигать лозунги новой революции и новой освободительной войны («вторая независимость от Соединенных Штатов»). Поворот Ф.Кастро к СССР имеет «историческую» внутрикубинскую коннотацию. Еще в 90-е годы XIX в., по свидетельству начальника штаба освободительной армии Кубы Х.Миро Архентера, латиноамериканские «братья» использовали войну кубинского периода как «пылевую завесу» для политических интриг³. Помощь оказывалась исключительно на словах с изрядной долей лицемерия. Именно понимание демагогического характера латиноамериканской солидарности привело Кубу к особым отношениям с СССР и Китаем.

Сближение современной Кубы с Венесуэлой — уникальное исключение из этого правила, долгожданный выход за рамки демагогической солидарности. Кроме того, высказанные ушедшим со своих государственных постов Ф.Кастро идеи о глобальном потеплении (климатическом кризисе) как основной угрозе современности являются основой для сближения с некоторой частью американской элиты, обнаружившей неэффективность неолиберальных моделей. При этом Кастро стремится опереться на ту часть либеральной общественности, которая во второй половине XIX в. возглавила общеинтерконтинентальное движение и активно помогала кубинским патриотам. Несмотря на критику действующего президента США Обамы, с ним, первым чернокожим президентом, и Кастро, и Чавес связывают серьезные политические надежды.

Наконец, четвертый и самый спорный тип революционного процесса — это революционный процесс, источником которого являются Соединенные Штаты Америки. США, имеющие «два лица», — демократическое и империалистическое — явились одним из источников войны за независимость на Кубе. Мало кем может оспариваться воздействие Гражданской войны в США (1861—1865 гг.) на революционную и аболиционистскую войну кубинского народа, начавшуюся в 1868 г. с освобождения М. де Сеспедесом своих рабов.

Американский популизм конца XIX в., даже рузвельтовские антитрестовские реформы и попытки Вашингтона поддержать либералов в Панаме и выступить против консервативной реакции в Колумбии — это труднооспоримые демократические тенденции в политическом развитии США. Доминирующая империалистическая составляющая скрыла эти тенденции, но лидер апристского движения в Перу Айя де ла Торре считал империализм первой необходимой и конструктивной в условиях Латинской Америки стадией капитализма. «Взорвать феодализм» — эта задача считалась более важной, чем антиимпериалистическая борьба.

Глобальный финансовый кризис сильно ударил по США. У нынешнего политического курса Обамы, направленного против крупных финансовых спекулятивных структур «офшорного» капитализма, появились мощные республиканские противники, обвиняющие его в социализме. Остаточный империализм нынешнего правительства США имеет двойственную природу. С одной стороны, оно выступает против политики поощрения международного «пиратского капитала», финансирует пострадавшие средние слои, пытается прекратить безумный «бонусный рай» высших менеджеров корпораций. И эта политика сближает его с альтернативным капитализмом левоцентристов Латинской Америки. С другой, — стремясь сохранить имидж лидеров мира в глазах республиканцев-экспансионистов и наследников техасских демократов-диксикратов*, Обама не снял блокаду Кубы, молчаливо поддержал гондурасскую армию в разрез с антидиктаторским правом в ОАГ. При этом многие понимают, что охота за уклоняющимися от налогов в Швейцарии имеет целью отвлечь внимание от традиционных офшоров к югу от США — Коста-Рики, Уругвая, Каймановых островов и др.

Революционный процесс в пульсирующем и катастрофическом социально-политическом пространстве современного мира — это феномен кризисного самоопределения общества в тупиковой ситуации. Революционный взрыв порождает специфический тренд развития, который мало похож на предыдущие этапы общественного развития, как это имеет место в Колумбии или на Кубе (см. таблицу 2).

Восприятие «неевклидовой политики», политики альтернативной неолиберальной парадигме, крайне затруднено быстротой, калейдоскопичностью смены эпох мирового развития. В ноябре 1989 г. рухнула Берлинская

* Общее название южных штатов США. Группировка, объединяющая наиболее реакционные круги демократической партии США, главным образом из южных штатов страны.

Т а б л и ц а 2

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Тип революции	Страна осуществления революционного процесса	Самые яркие проявления процесса
Продолжительные революционные войны и партизанская государственность	Колумбия	Партизанская война ФАРК, деятельность Маруланды
Индийская институциональная революция	Боливия, Перу, Эквадор, Мексика	Правительство Э.Моралеса в Боливии, влияние О.Умалы в Перу, реформы Р.Корреа в Эквадоре, сапатистское движение в Мексике
Перманентная революция, тип 1	Куба	Правление Фиделя и Рауля Кастро
Перманентная революция, тип 2	США	Аболиционизм XIX в., популизм конца XIX — начала XX в., антитрестовое законодательство, поддержка либералов Панамы, кризисное законодательство Б.Обамы

стена — ушла в прошлое эпоха бюрократического «замороженного» реального социализма. Неолиберализм восторжествовал. Но уже в декабре 2001 г. после народных выступлений в Аргентине началась всемирная антинеолиберальная революция — эпоха альтернативных моделей, которые стали активно применяться в Латинской Америке. Теперь очевидно, что и «проект Обамы», и германская социально-рыночная модель, и инвестиционная политика Саркози — это также «нащупывание» альтернативы рухнувшему неолиберализму. Но именно народы Латинской Америки первыми начали движение от либерального «конца истории», олицетворенного названной экономической. «...Во всех странах Латинской Америки, вместе взятых, неолиберальные эксперименты 1990-х годов — иногда крайне радикальные — провалились. Во многих из этих стран указанная политика привела к масштабной приватизации, что означало распродажу (по бросовым ценам) их национального богатства, чудовищной коррупции, дерзкому разграблению, обеднению среднего класса и народных масс, развалу целых отраслей национальной промышленности и, наконец, массовым волнениям. В Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Перу и Аргентине настоящие восстания в отдельных случаях привели к смещению президентов, избранных демократическим путем, но после победы на выборах, считая, что на время действия своего мандата они получили карт-бланш и могут поступить так, как им заблагорассудится, в итоге предали программу, предложенную из-

бирателям»⁴. Восстания в конце концов спровоцировали тенденцию, положившую начало новому мировому тренду, новой эпохе мирового политического и экономического развития, новой «неевклидовой» модели мира.

Переменным моментом стали именно события в Аргентине. И.Рамоне справедливо отмечает: «В этом смысле народные волнения в Аргентине в декабре 2001 г., которые привели к смещению президента Фернандо де ла Руа, и, в первую очередь, полный крах неолиберальной политики, проводимой с 1989 по 1999 г. президентом Карлосом Менемом, в определенной степени сыграли для данного континента ту же роль, что и падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. для Европы, т.е. ознаменовали собой окончательный отказ от догматической, претенциозной и антинародной модели»⁵.

Выход событий 2001 г. в Аргентине за пределы латиноамериканского опыта во многом обусловлен «испанским фактором». Именно неолиберальный социализм Фелипе Гонсалеса в 1980—1990-е годы обусловил принятие этой модели почти всем спектром политических сил континента «справа налево» в условиях «отката» авторитарной волны.

Однако со временем стало ясно, что неолиберальный социализм — это конъюнктурная фикция, за которой скрывается альянс традиционных консервативных элит латинского мира и транснациональных корпораций Европы и Америки. Ф.Кастро отметил, что для Испании тех лет были характерны «процесс коррупции и незаконного обогащения, утрата нравственных устоев»⁶. Все же нынешняя модель умеренных левых в Испании, отошедших от крайних форм либерального социализма, с сильной консолидирующей ролью монархии в иберо-американских делах в условиях антифашистской судебной практики, осуществляемой судьей Б.Гарсоном, оказалась наиболее приемлемой для авторов альтернативного поворота в Латинской Америке, приобретшего в нынешних условиях глобальный смысл.

Европа начала втягиваться в альтернативную политику несколько позже. 15 февраля 2003 г. состоялись массовые демонстрации против вторжения в Ирак в Англии, Италии, Германии и во Франции. Классик современной философии четко и ясно отобразил суть происходящего: «Одновременность этих потрясающих демонстраций, самых грандиозных с конца Второй мировой войны, ретроспективно можно было бы отметить в учебниках истории как знак рождения общеевропейской общественности»⁷.

Характерно, что сдерживать европейские протесты пытался только один европейский политик — Аснар: «за спинами других коллег по Европейскому союзу он обращался к европейским правительствам, готовым воевать»⁸. Но ретроградная сущность этой политики XVII в. оказалась очевидной. Опровержение всемирной неолиберальной экспансии сумел хорошо сформулировать Ю.Хабермас: «Именно универалистская сущность демократии и прав человека запрещает насаживать их огнем и мечом. Универалистские претензии на общезначимость, которые Запад связывает со своими «базовыми политическими ценностями», т.е. с процессом демократического самоопределения, списком прав человека, не следует путать с имперскими устремлениями — будто форма политической жизни и культура одной, пусть и старейшей, демократии является примером для всех обществ»⁹.

Именно Европа еще до начавшегося в 2008 г. экономического кризиса сумела глубоко разочароваться в англосаксонской неолиберальной модели. «Европейцы имеют больше доверия к организационным достижениям государства и его способности к управлению, но скептически оценивают результативность рынка. Им присуще ясное осознание «диалектики просвещения», они не питают оптимистических иллюзий по поводу технического прогресса. Они предпочитают гарантии безопасности со стороны государства всеобщего благосостояния и возможность солидарно урегулировать проблемы»¹⁰. Неолиберализм после аргентинских событий 2001 г. воспринимался в Европе с глубоким скептицизмом: «Вряд ли возможно, чтобы неолиберальной рассудочности, характерной для мирового экономического порядка или его интерпретациям, предложенным Вашингтоном, не существовало разумной альтернативы»¹¹.

Разумная антинеолиберальная воля смогла заработать только в сверхкризисном 2008 г., когда Европа на конференции в Эвиане поставила вопрос о «мире без Америки». И самым мощным здесь оказался голос канцлера А.Меркель, которая в Давосе (январь 2009 г.) предложила заменить обанкротившуюся англосаксонскую неолиберальную модель германской социально-рыночной системой уже во всемирном масштабе¹².

В этих условиях и сами США, и Китай, и Япония, и Россия, а также Индия и латиноамериканские страны стремятся выработать варианты своей уже полностью альтернативной неолиберализму политики. Новая эпоха, эпоха «неевклидовой политики», уже началась. Однако многие ее параметры пока еще не определены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.Н.А р и н и н, Б.И.К о в а л ь, Т.Б.К о в а л ь. Личность и общество: духовный и нравственный потенциал. М., 2003, с. 217—221.

² <http://www.vtv.gob.ve/noticias-internacionales/20592>

³ См.: J.M i r o A r g e n t e r. Crónicas de la Guerra. La Habana, 1970, p. 152—154.

⁴ И.Р а м о н е. Сто часов с Фиделем. — Ф.К а с т р о, И.Р а м о н е. Фидель Кастро. Моя жизнь. Биография на два голоса. М., 2009, с. 17.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 521.

⁷ Ю.Х а б е р м а с. Расколотый Запад. М., 2008, с. 40.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 37.

¹⁰ Там же, с. 44—45.

¹¹ Там же, с. 54.

¹² См.: Б.С.О р л о в. Социальная политика основных политических сил Германии в условиях экономического кризиса. Роль социального государства в условиях экономического кризиса: европейский опыт и Россия. М., 2009, с. 91.